

SOCIAL SPACE OF SPORTS

Nutrosin Pavel Dmitrievich

Volga state Academy of water transport

Article info

Article history:

Received 27 January 2017

Revised 5 February 2017

Accepted 12 February 2017

Available online 31 March
2017

A b s t r a c t

Sport as a social space divided into its constituent fields. Each field is caused by own power - capital. Capital accumulates and reproduced agents that make up the structure of the fields.

Keywords:

agent, capital, power,
social space, social
field, sport

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СПОРТА

Нутросин Павел Дмитриевич

Волжская государственная академия водного транспорта

АННОТАЦИЯ

Спорт рассматривается как социальное пространство, разделённое на составляющие его поля. Каждое поле обусловлено собственной силой – капиталом. Капитал накапливается и воспроизводится агентами, которые составляют структуру полей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: агент, капитал, сила, социальное пространство, социальное поле, спорт

1. ВВЕДЕНИЕ

В нашей статье спорт рассматривается как часть социального пространства, как субпространство – социальное поле. За методическую основу статьи была принята теория Пьера Бурдьё о социальных полях. В этой теории поле – это подпространство социального пространства, определяемое специфической силой – ансамблем различий активных свойств, обуславливающих его специфику, его отличие от любого другого подпространства. Поле есть специфическая система отношений между различными позициями, структурно обусловленными и в большой степени не зависящими от физического существования индивидов, которые эти позиции занимают. [8] Иными словами, при синхронном рассмотрении поле представляет собой структурированное пространство позиций. Поля характеризуются, в том числе, свойствами составляющих их позиций, которые могут быть исследованы независимо от характеристик занимающих их индивидов. Агенты (индивидуальные или групповые) определяются в поле реляционно их позициями, отличающимися друг от друга властью и влиянием, получаемой материальной и символической прибылью, ценой, которую надо заплатить, чтобы их занять, и так далее. [8]

2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Под социальным пространством понимается - форма, выражающая определенные отношения, которые проявляются как способы координации между состояниями предметов исследования. Содержанием данной формы выступают изучаемые социальные явления и процессы, характер которых и определяет основные свойства социального пространства. Это означает,

что не существует некоего абсолютного социального пространства, постулируемого субстанциализмом в качестве самостоятельной, независимой от эмпирической социальной действительности формы бытия. «Социальное пространство» конструируется каждый раз как (зависящая от целей и средств исследования) форма выражения и обобщения имеющейся в распоряжении исследователя эмпирической информации. Оно в каждом конкретном случае может быть и одномерным, и многомерным пространством с любым числом измерений, поскольку используется для описания взаимосвязей различного рода социологических величин, характеризующих социальные явления. [8]. В социологии П. Бурдьё «социальное пространство» есть, прежде всего, структура социальных позиций. Однако речь не идет о просто еще одной субъективистской трактовке. Конструирование социального пространства на основе экспериментальных данных не означает его произвольности или тождественности геометрическому представлению. П. Бурдьё постулирует актуальное существование «социального пространства», элементы которого он называет «позициями». Основанием для такого постулирования является эпистемологический принцип доступности научному познанию только таких сущностей социальной действительности, которые тем или иным способом взаимодействуют друг с другом и с познающим субъектом. П. Бурдьё представляет устанавливаемый социологией социальный мир в виде социального пространства, сконструированного, исходя из принципов деления и распределения совокупности активных свойств (индивидуальных и коллективных)

агентов. Речь идет о свойствах, способных придавать агентам силу и власть, понимаемую в самом общем виде — как способность добиваться результатов. Макропеременные, обобщающие исходные социологические величины — активные свойства, положенные в основу построения социального пространства, — П. Бурдье называет «капиталами». Капитал дает власть распоряжаться продуктом деятельности, в котором опредмечены прошлые практики (в частности — над совокупностью средств производства), а также механизмами производства определенной продукции, и через это — власть над (материальными и символическими) доходами и прибылью от производства. Позиция каждого агента в социальном пространстве определяется объемом и структурой его капиталов, то есть структурой сил. [8,11]

Одной из основ социологии П. Бурдье является концепция «двойного структурирования». Эта концепция включает в себя комплекс представлений, отражающих генезис и структуру социальной действительности. То, что относится к генезису, есть установление причинно-следственных связей в социальной действительности: существуют объективные (не зависящие от воли и сознания людей) структуры, которые решающим образом воздействуют на практики, восприятие и мышление индивидов; именно социальные структуры являются «конечными причинами» практик и представлений индивидуальных и коллективных агентов, которые эти структуры могут подавлять или стимулировать. С другой стороны, агентам имманентно присуща активность, они являются источниками непрерывных причинных воздействий на социальную действительность. Итак, социальные структуры обуславливают практики и представления агентов, но агенты

производят практики и тем самым воспроизводят или преобразуют структуры. Указанные два аспекта генезиса социальной действительности для П. Бурдье отнюдь не равнозначны и не рядоположены. Он не ограничивается констатацией того, что оба эти аспекта находятся в «диалектической связи», но указывает на их иерархию. Обусловленность практик и представлений агентов социальными структурами реализуется через их производство и воспроизводство этими агентами. В силу того, что они не могут осуществлять свои практики вне и независимо от предпосланных им социальных структур, являющихся необходимыми условиями и предпосылками любых практик, агенты оказываются в состоянии действовать исключительно «внутри» уже существующих социальных отношений и тем самым всегда лишь репродуцировать или трансформировать их. Говоря об активной роли агентов в воспроизводстве/производстве социальной действительности, П. Бурдье подчеркивает, что оно невозможно без инкорпорированных структур — практических схем, являющихся продуктом интериоризации объективных социальных структур. Отсюда следует, что субъективное структурирование социальной действительности есть подчиненный момент структурирования объективного.

Второй аспект двойного структурирования социальной действительности — структурный.

Он состоит в том, что все в социальной действительности структурировано. Во-первых, социальные отношения неравномерно распределены в пространстве и во времени. Во-вторых, агенты неравномерно распределены между социальными структурами — не все (индивидуальные и коллективные)

агенты и не в одно и то же время принимают участие в одних и тех же социальных отношениях. В-третьих, объективации социальных отношений, которые П. Бурдье называет капиталами, также неравномерно распределены между (индивидуальными и коллективными) агентами. В-четвертых, инкорпорированные социальные отношения, к каковым относятся: диспозиции, социальные представления, практические схемы, — распределены крайне неравномерно. Агенты, исходя из своих практических схем (то есть интериоризированных социальных отношений), по-разному структурируют социальную действительность. Структура субъективного структурирования, проявляющаяся через распределение различных видов этого структурирования между агентами, гомологична структуре объективного структурирования, поскольку решающую роль в субъективном структурировании играют интериоризированные объективные структуры: практические схемы адаптируются к позиции агента, уже хотя бы в силу того, что их содержание обусловлено предшествующей социальной борьбой и потому пусть в превращенной форме, но отражает конфигурацию социальных сил.[8]

Социальная сила, в данной теории, обозначает не собственность или владение чем-то, а практики. Конечно, практики как таковые не могут существовать вне определенных социальных условий, но в данном случае упор делается именно на действие. У силы нет ни других объектов, ни других субъектов, кроме других сил, и нет иного бытия, кроме социальных отношений. Всякая сила может быть истолкована как отношение господства — власти или влияния. [8]

Таким образом, слово сила в теории Пьера Бурдье становится концептом, то

есть объединением смыслов проблемы социальных отношений в одно высказывание. Однако не стоит забывать, что при попытке дать чёткое определение слова, на нашем пути стоит одно очень существенное ограничение - принцип дополнительности Нильса Бора.

"Практическое применение всякого слова, - писал Бор, - находится в дополнительном отношении с попытками его строгого определения." [1]. Как это следует понимать? Практическое применение слова не предполагает каких-либо правил, мы просто действуем, опираясь на образцы живой речи и трактуя эти образцы применительно к той или иной конкретной ситуации. Иными словами, практическое применение слова достаточно произвольно и ситуативно. А, если мы пытаемся точно описать значение слова, пытаемся точно сформулировать правила его использования? Во-первых, очевидно, что мы создаем при этом некоторое новое слово, которого раньше просто не было. Ведь исходное слово объективно не имело никакого точного значения. Во-вторых, любое точное обобщение неизбежно связано с идеализацией. [9] Получается так, что, используя слово, мы задаём ему точное значение, таким образом, превращая его в концепт – новое слово за которым стоит понятие. Следовательно, само слово «сила» не имеет никакого значения для теории, потому как является абстрактным и не определённым. Для теории ценностью обладает лишь концепт – слово «сила», за которым стоит чёткое определение.

Несомненно, возможно проследить концептуальные связи между «силой» у П. Бурдье и использованием этого понятия в философской традиции Нового времени. Известно, что Р. Декарт объяснял законы движения лишь посредством количества материи и скорости, в то время как Г. В. Лейбниц

(1686) боролся со сведением материи к протяженности. Он указывал на ошибочность картезианских построений, поскольку «в телесных вещах есть нечто, кроме протяженности, и даже предшествующее протяженности, а именно сама сила... которая состоит не в простой способности... но помимо того снабжена направленностью, или устремлением, получающим полное осуществление, если оно не встречает препятствия в противоположном устремлении» [5,3]. По Г. В. Лейбницу (1695), «природа тела не состоит в одной лишь протяженности», вследствие чего — и здесь главное отличие от Р. Декарта — пространство утрачивает значение субстанции, а становится соотношением сил [4].

Исходным для традиции Нового времени послужило представление Г. В. Лейбница о силе как ближайшей причине изменений или возможности действия, которая есть «нечто отличное от величины, фигуры и движения» [7]. В опубликованной в 1695 году «Новой системе природы и общения между субстанциями...» он утверждал, что природа субстанциальных форм «состоит в силе» [6], что дает возможность объяснять изменения в субстанциях [6]. В более поздней «Монадологии» субстанция идентифицируется с субъектом, а сама субъективность предстает как деятельность, чье существование определяется силой [7], так что «действовать» означает «проявлять силу». Вся история метафизики Нового времени, согласно М. Хайдеггеру (1922), разворачивается из деятельностной интерпретации картезианского мышления и монадологической интерпретации субстанции: «Каждый субъект определен в своем существовании как сила. Только так мыслящая вещь приобретает тот объем, благодаря

которому она царствует над всем реальным» [12].

Ф. Гегель (1807) в «Феноменологии духа» рассматривает силу как то, что учреждает и единство, и самостоятельность различий, относящихся к целому: «... Самостоятельно установленные (материи) переходят непосредственно в свое единство, а их единство непосредственно переходит в развертывание, и это последнее в свою очередь — назад, в сведение ... Это движение и есть то, что называется силой: один момент ее, а именно сила как распространение самостоятельных материй в их бытии, есть ее внешнее проявление; она же как исчезаемость (*Verschwundensein*) их есть сила, оттесненная из своего внешнего проявления обратно в себя, или сила в собственном смысле» [2].

Иными словами, посредством силы реализуется нераздельное единство предмета, обнимающего множественные и самостоятельные части. Сила внутренне противоречива, и при взаимоотношении рефлексий различного типа, где внешняя рефлексия сама выступает силой, сила обнаруживает себя в своем инобытии. Силу можно описать как момент бытия, обнаруживающий себя во взаимодействии с другой силой.

Таким образом, социальное пространство есть силы в их соотношениях. Однако сила не имеет самостоятельности, а всегда обозначает свойства социальной структуры. Отсюда следуют методологические требования, которых П. Бурдьё придерживался при исследовании различных полей, даже если эти требования не формулировались явно:

1. Поле (как автономная часть социального пространства) конституируется специфической силой (или силами). Именно эта сила

обеспечивает целостность поля как предмета исследования.

2. Отношения силы проявляются всякий раз как распределение соответствующего ей капитала или активных свойств (то есть свойств, придающих их обладателю специфическую власть и влияние). Множество различий активных свойств, присущих индивидуальным и коллективным агентам, есть непосредственное проявление конфигурации силы, конституирующей данное поле.

3. Структура позиций есть структура «источников» силы. Распределение капиталов между позициями характеризует «силовой баланс» (Н. Элиас), сложившийся в поле.

Ниже мы постараемся описать поле спорта, соответствуя данным принципам.

КАПИТАЛ ПОЛЯ

В спортивном поле присутствуют различные формы капиталов. Экономический капитал, который непосредственно и напрямую конвертируется в деньги и институционализируется в форме прав собственности на материальные объекты поля. Социальный капитал, который институционализирован в форме соревновательной деятельности, мерой которого является общественное признание, которое при определенных условиях конвертируется в экономический капитал. Культурный капитал, который имеет инкорпорированное состояние, в виде специальных знаний, умений, техник и навыков, который институционализируется в форме спортивной квалификации. Культурный капитал, так же, может конвертироваться в экономический, либо в социальный. [11]

Суть занятия спортом можно свести к тому, что индивид стремится быть признанным в обществе, то есть стремится

накопить социальный капитал. Достигнуть такое признание можно принимая участие в спортивных мероприятиях (чем выше ранг мероприятия, тем больше признание получает участник). Социальный капитал соревнований (их ранг), как правило, прямо пропорционален затраченному на их организацию экономическому капиталу, а также он определяет уровень квалификации агентов поля допустимых к участию в мероприятии. Помимо ранга соревнования количество получаемого общественного признания зависит от результата, показанного в ходе состязания. Следовательно, самоцель соревнования можно определить, как спортивный результат, который будет являться мерой, как социального, так и культурного капитала, так как этот результат напрямую выражает количество и качество накопленных индивидом специальных знаний, умений, техник и навыков.

По аналогии с научным капиталом [10] аккумуляция инкорпорированного культурного капитала в спортивном поле (или спортивного капитала) тем более успешна, чем более социально и экономически обеспечен индивид. Так как лучшей мерой культурного капитала, несомненно, является количество времени, посвященного его приобретению, то это происходит потому, что трансформация экономического капитала в культурный предполагает затраты времени, возможные благодаря обладанию экономическим капиталом. Точнее, это происходит потому, что культурный капитал, который эффективно передается в рамках общественного института, сам зависит не только от его величины (накапливаемой при помощи имеющегося у индивида времени), но и от времени, которое можно использовать на его приобретение (при помощи

экономического капитала, позволяющего покупать время других). Это обеспечивает передачу данного капитала и откладывает выход на рынок труда путем продолжения образования. Именно обладание культурным капиталом позволяет извлекать большую прибыль не только из времени труда (путем повышения его отдачи за единицу времени), но и из свободного времени, тем самым наращивая одновременно и экономический, и культурный капитал.

АГЕНТЫ ПОЛЯ

Агентами будут являться все индивиду производящие капиталы поля. [8] Главенствующую позицию занимают непосредственно спортсмены - люди принимающие участия в спортивных соревнованиях, которые аккумулируют спортивный капитал и в ходе своей предметной деятельности способны его воспроизводить, показывая некий спортивный результат, который определяет величину накопленного капитала. Соответственно результату спортсмену присваивается квалификация или спортивный разряд, а также титул, который помимо самого результата зависит и от социальной ценности спортивного мероприятия, и отражает величину приобретаемого социального капитала. По присвоенным квалификациям, спортсменов можно разделить на профессионалов и любителей. Отличие первых от вторых заключается в том, что количество спортивного капитала, накопленного первыми, позволяет свободно конвертировать его в экономический. Любители такой возможности лишены.

Следующие, по уровню влияния, агенты поля - спортивные тренеры. Они обладают аккумулированным спортивным капиталом, который передают своим подопечным, оказывая тем самым на них влияние, и при определенных условиях (в частности,

когда спортсмены получают высокую квалификацию), взамен получают социальный капитал, оказываясь под влиянием своих подопечных спортсменов, то есть, чем больше спортивного капитала примет спортсмен от тренера, тем больше социального капитала получит сам тренер.

Тренерам, так же присваиваются квалификации в соответствии с количеством накопленного ими капитала, поэтому, существует разделение тренеров по категориям. При определенных условиях накопленный спортивный капитал может конвертироваться в социальный и выражается в форме присвоения социально значимого титула. (заслуженный тренер, почётный тренер, и т.п.)

Спортивные болельщики - агенты, занимающие позицию в поле, за спортсменами и тренерами. Они могут не обладать спортивным капиталом, но являются необходимым элементом в структуре поля, так как производят социальный капитал, обуславливающий цель существования спорта - общественное признание. Болельщиками могут быть спортсмены и тренеры, а также любые другие люди производящие социальный капитал поля.

Родственников спортсменов можно определить, как второстепенных агентов поля, так как они, зачастую, не обладая спортивным капиталом, и не производя соответствующий социальный капитал, способны создать благоприятные социальные и экономические условия для накопления капитала.

ГРАНИЦЫ ПРОСТРАНСТВА СПОРТА

Границу определяют, как межу, отделяющую нечто от иного, место прямого соприкосновения, единения и взаимопроникновения смежно существующих предметов, продукт

взаимодействия разнородного, это разнородное, тем не менее, отделяющее.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Границей поля спорта будет его специфическая сила — ансамбль различий активных свойств, обуславливающих его специфику, его отличие от любого другого подпространства. Такие активные свойства, положенные в основу построения социального пространства, — П. Бурдьё называет «капиталами» [8]. Следовательно, границы поля будут определять его капиталы. Можно предположить, что конвертация спортивного капитала в капитал других полей будет являться переходом границы поля спорта с полем, в капитал которого производится конвертация. Исходя из этого, граница будет представлять то состояние капитала, в котором он пребывает в процессе трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бор Н. Избранные научные труды. Т.2. М., 1971, 398
2. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Шпета. СПб.: Наука, 1992. С.444
3. Лейбниц Г. В. Опыт рассмотрения динамики. О раскрытии и возведении к причинам удивительных законов, определяющих силы и взаимодействие тел / Пер. с лат. Я. М. Боровского // Лейбниц Г. В. Сочинения: В 4 т. Т. 1 / Ред. и сост., авт. вступит, ст. и прим. В. В. Соколов. М.: Мысль, 1982. С. 247.
4. Лейбниц Г. В. О природе тела и движущих сил / Пер. с лат. Н. А. Федорова // Лейбниц Г. В. Сочинения: В 4 т. Т. 3 / Ред. и сост., авт. вступит, статей и прим. Г. Г. Майоров и А. Л. Субботин. М.: Мысль, 1984. С. 219—221; 223.
5. Лейбниц Г. В. Рассуждение о метафизике / Пер. с франц. В. П. Преображенского // Лейбниц Г. В. Сочинения: В 4 т. Т. 1 / Ред. и сост., авт. вступит, ст. и прим. В. В. Соколов. М.: Мысль, 1982. С. 143.
6. Лейбниц Г. В. Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душой и телом / Пер. с франц. Н. А. Иванцова // Лейбниц Г. В. Сочинения: В 4 т. Т. 1 / Ред. и сост., авт. вступит, ст. и прим. В. В. Соколов. М.: Мысль, 1982. С. 272.
7. Лейбниц Г. В. Монадология / Пер. с франц. Е. Н. Боброва // Лейбниц Г. В. Сочинения: В 4 т. Т. 1 / Ред. и сост., авт. вступит, ст. и прим. В. В. Соколов. М.: Мысль, 1982. С. 423 и др.
8. Пьер Бурдьё. Социальное пространство: поля и практики. Сборник статей. Составление, общая редакция перевода и послесловие Н. А. Шматко. М.: 2005. С.576
9. Розов М.А. Проблема предмета философии (Методологические аспекты) / Особенности философского дискурса. М. 1998. С. 28-32.
10. Bourdieu P. Le champ scientifique. Actes de la recherche en sciences sociales. 1976. № 2—3. P. 88—104. Пьер Бурдьё. Поле науки. Перевод с французского: Е. Д. Вознесенская. Социо-Логос
11. Bourdieu, Pierre. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital, in: Kreckel, Reinhard (ed.) Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2). Göttingen: Otto Schwartz & Co., 1983. P. 183-198. Richardson, John (ed.) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. N.Y., Westport, Conn.: Greenwood Press, 1986. P. 241-258. Экономическая социология. Том 6. №3. Май 2005. С. 60-74. Перевод М.С. Добряковой. Научное редактирование — В.В. Радаев.

12. Heidegger M. Nietzsche. T. 2 / 1971. P. 354.
Trad, par P. Klossowski. Paris: Gallimard,